

ЧЕРНОЯРСКАЯ КАЗАЧЬЯ КОМАНДА: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В XVIII В.

Астраханское казачье войско было образовано в начале XIX в. Его основу составил Астраханский казачий полк, созданный в 1750 г. на основе Астраханской трехсотной казачьей команды. В его состав влились к началу XIX в. остатки Волжского казачьего войска и городские казачьи команды от Красного Яра до Саратова. Сведений о времени их образования, характере формирования и службе немного. Традиционно считается, что в большинстве городов Нижнего Поволжья городские казачьи команды появились в конце правления Петра I в процессе реорганизации существовавших здесь стрелецких и других воинских команд. Практически все исследователи ссылаются при этом на указ 1721 г., отмечая, что численный состав казачьих команд в городах Поволжья определил в 1721-1722 гг. первый астраханский губернатор А.П. Волынский.

Что же представляла собой городская казачья команда и в чем заключалась ее служба? Рассмотрим этот вопрос на примере Черноярской команды. В Черном Яру казачья команда состояла из 100 казаков. Им выплачивалось денежное и хлебное жалованье. На 1723 год ста казакам полагалось 500 четвертей ржи, 150 четвертей овса. Эти припасы доставляли в Черный Яр по Волге из верховых городов [3, л. 206]. Хлебное жалованье выдавалось только на наличных людей под расписки. Сведений о количестве денежного жалованья, полагавшегося казакам, в имеющихся документах не приводится. Сведения даются только о денежном жалованье на весь Черноярский гарнизон. Составить представление о нем мы можем по документам, относящимся к следующему десятилетию. В 1735 г. генерал-лейтенант В. Левашов предложил проект строительства новых городков по Волге и заселения их донскими или яицкими казаками. «Жалованье тем казакам определить против черноярских, – рекомендовал он, – денег по осми рублей человеку, муки и овса по толикому ж числу четвертей» [1, л. 2-2об.]. Расчеты показывают, что содержание казачьей команды в Черном Яру обходилось государству в 1735 г. не менее чем в 800 рублей, 800 четвертей муки и 800 четвертей овса.

Впрочем, выданного жалованья казакам хватало только для того, чтобы вести скромный образ жизни. Так, типичным домом для жителя Черноярской крепости в первой половине XVIII в. являлась мазанка – низкий дом, построенный из камыша, обмазанного снаружи глиной [8, л. 1192 об.]. Не случайно астраханский губернатор В.Н. Татищев, предлагая свой план создания новых городков на Волге, рекомендовал повысить жалованье казачьим командам, расположенным ниже Царицынской линии, в частности казакам, до 13 рублей в год [9, л. 622].

На Черноярскую казачью команду были возложены функции охраны прилегающей к городу территории (в окрестностях Черного Яра располагались рыболовные ватаги, функционировала ярмарка, где велся торг с калмыками, останавливались на зимовку калмыцкие улусы, осуществлялся перевоз людей и скота через Волгу). Указ Астраханской губернской канцелярии от 7 июля 1723 г. предписывал черноярскому коменданту «как разъезды иметь, так и крепость охранять от набегов воровских людей тамошними определенными гарнизона людьми, понеже за многими расходами из Астраханского гарнизона послать некого» им в подмогу [3, л. 310об.]. Казаки несли службу на форпостах, которые располагались на правобережной («нагорной») стороне Волги на определенном расстоянии один от другого, «как разъездами обнять можно». Так, например, волжский Калмыковский форпост располагался в 60 верстах от Черного Яра вниз по Волге. Количество казаков на форпосте определялось местным комендантом. Возглавлял команду, как правило, унтер-офицер или представитель казацкой старшины. Форпосты от Черного Яра выставлялись как в обе стороны от города вдоль Волги, так и в степь.

Важной обязанностью, возложенной на казаков, была доставка почты в город Царицын. На каждом почтовом стане находилось первоначально по шесть казаков. В 1723 г. предписано было выделять по десять человек на каждый стан. В летний период доставка почты осуществлялась на лодках (по два-четыре человека в лодке). В зимний период – сухопутным путем. Казаки должны были иметь своих лошадей для перевозки почты, телеги для передвижения в сухую погоду и сани для передвижения по снегу, а также всю необходимую конскую сбрую (хомуты и т.д.) в расчете по две лошади на каждого человека (две лошади на одну телегу или сани). В ноябре 1743 г. Астраханская губернская канцелярия по требованию почтмейстера Петра Исакова определила содержать на каждом почтовом стане от Астрахани до Царицына по 12 человек. Соответствующий указ был послан коменданту в Черный Яр [6, л. 73-73об.].

Кроме того, казаков активно привлекали к дальним командировкам. Во время Персидского похода 1722-1723 гг. черноярских казаков направляли в Астрахань для выполнения различных строительных работ. В период с 1736 по 1737 год 32 черноярских казака участвовали в составе сводного отряда городских казаков поволжских городов в русско-турецкой войне. В первой половине 1740-х гг. черноярским казакам поручали конвоирование крещеных калмыков, переселяемых правительством в основанный для них город Ставрополь-на-Волге, на этапе от своего города до Царицына [13, с. 107-124].

Астраханский губернатор В.Н. Татищев, посетивший Черный Яр в 1742 г., имел возможность ближе познакомиться с условиями жизни и службы черноярских казаков. Он отмечал, что в отношении служебных обязанностей «городовые казаки под смотрением камендантов гораздо исправнее и к войне способнее», чем были казаки в традиционных войсках или калмыки. Он

обратил внимание на то, что «у старых городских казаков... у многих ружье довольно исправное, а у некоторых, а особенно у волжских, худое или весьма нет». При этом он указывал, что калмыки «не стыдятся, одного городского казака за трех калмык почитают» [12, с. 299]. Наблюдения губернатора подтверждаются практикой тех лет. В 1738 г., например, из Черного Яра в степь на разведку о передвижении казахов выехали черноморский казак Яков Шульпин и три калмыка [10, л. 89-89об.].

Казаки служили, пока им позволяли силы и здоровье. Освобождение от казачьей службы могли получить только те, кто был уже не в состоянии выполнять служебные обязанности. В 1742 г., например, черноморский комендант премьер-майор Белов поставил вопрос об увольнении от службы казака Якова Мурыгина, который «по свидетельству лекарскому явился за имевшеюся на нем болезнью, також за старостию в казачьей службе быть неспособен» [5, л. 6]. От служебных обязанностей казаков не освобождали даже стихийные бедствия. Так, в 1741 г. в Черном Яру произошел пожар, от которого выгорел весь город. Казаки вынуждены были почти целый год ютиться с семьями в землянках. Решение о выделении жителям Черного Яра строительных материалов было принято только в сентябре 1742 г. новым астраханским губернатором В.Н. Татищевым. Тем не менее, казаков по-прежнему употребляли в службу. В донесении Астраханской губернской канцелярии в Военную коллегию от 9 декабря 1745 г. отмечалось: «в городах Черном Яру и в Царицыне от погорения оных городов казаки еще в состоянии не пришли и те, за неимением других, употребляются у калмыцких дел и в почтовой гоньбе и конвоях и за тем на форпосты располагать некого» [11, л. 71об.].

Комплектовались казачьи команды в городах Поволжья преимущественно за счет определения на вакантные места детей казаков. В 1737 г. астраханский вице-губернатор Л.Я. Соймонов направил в Черный Яр указ об определении в казачью службу детей казаков, в соответствии с которым местный комендант зачислил на вакантные места 15 казачьих детей [4, л. 55об.]. В 1742 г. Черноморская казачья команда вновь пополнилась девятью казачьими детьми, а возможно, что их могло бы быть еще больше, так как отмечалось, что многие казачьи дети «за отлучками к осмотру не представлены» [5, боб.].

Зачислению в казаки полагались только дети, достигшие определенного возраста. Черноморский комендант докладывал в 1737 г. Астраханской губернской канцелярии, что многие казачьи дети «за малолетством» оказались не годны к службе. В 1742 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев лично проводил в Черном Яру смотр кандидатов на зачисление в местную казачью команду. По его определению, «из означенных казачьих детей явилось к службе годных токмо девять человек, а прочие за малолетством к службе неспособны» [5, л. 6]. Малолетних казачьих детей в 30-40-х гг. XVIII в. стали определять в школу. Указание об

этом имеется в документах, относящихся к переписке с чернойярским комендантом. При этом школа должна была находиться непосредственно в Черном Яру.

В нашем распоряжении имеется список казачьих детей, определенных в службу в 1737 г. Его анализ в сравнении со списком Чернойярской казачьей команды от 1786 г. может многое прояснить относительно характера ее формирования. Так, в 1737 г. были зачислены в казаки Чернойярской команды Кирилл Марин, Иван Попов, Петр Васин, Яков Черемхин, Семен Мургин, Иван Постухов, Яков Лепехин, Семен Водопьянов, Яков Квакин, Иван Розгонов, Петр Круцчинов, Кузьма Колмогоров, Николай Четвергов. Одновременно с ними в команду были зачислены сын чернойярского сотника Семена Уренцова Григорий Уренцов, а также сын отставного пушкаря Тимофея Сережникова Потап Сережников [4, л. 56]. Спустя пятьдесят лет в Чернойярской казачьей команде присутствуют по несколько казаков с фамилиями Марин, Сережников, Попов, Разгонов, Лепехин, Колмагаров. С большой долей вероятности можно также утверждать, что присутствующие в списке 1786 г. представители фамилий Черемин и Мурыгин имеют прямое отношение к указанным в списке 1737 г. Я. Черемхину и С. Мургину (фамилия Мурыгин в составе Чернойярской казачьей команды упоминается в 1742 г.). По всей видимости, представители рода Ваулиных, указанные в списке Чернойярской казачьей команды 1786 г., также являются потомками толмача, впоследствии чернойярского дворянина и коменданта данной крепости Сергея Ваулина, имя которого упоминается в мемуарах и документах 1730-х гг. [2, с. 74, 11, л. 86об.]. С другой стороны, почти половина фамилий из числа определенных в городскую команду в 1737 г. вообще не встречается в списке Чернойярской казачьей команды 1786 г. По этому поводу остается предположить, что Петр Васин, Иван Постухов, Семен Водопьянов, Яков Квакин, Петр Круцчинов, Николай Четвергов, Григорий Уренцов по каким-то причинам выбыли из состава Чернойярской команды. Не исключено, что они не оставили в Черном Яру потомства по мужской линии либо их потомки еще не достигли к 1786 г. возраста, необходимого для зачисления в казачью службу.

Впрочем, возможно, что ограниченный состав казачьей команды не позволил кому-то из представителей этих фамилий вступить в службу именно в данной команде. Исследователи отмечают, что дети казаков, достигшие совершеннолетнего возраста, зачислялись в казаки не только в команды своего города, но и в другие, где были вакансии [14, с. 39-40]. Казаков могли переводить из одной казачьей команды в другую. Так, к моменту расселения казаков Астраханского полка по станицам в середине 1760-х гг. в его составе числилось уже свыше ста шестидесяти отставных казаков и старшин. Из них были отобраны около ста человек и поселены в двух станицах Копановской и Косикинской, образованных в 1766 г. на правом берегу Волги по обе стороны от Енотаевской крепости. Одним из

двух капралов, поселенных в Косикинской станице, был Григорий Уренцов [7, с. 27]. По всей видимости, этот тот самый человек, который поступил на службу в Черноярскую казачью команду в 1737 г., но со временем был переведен на службу в Астраханский казачий полк. Подтверждением этой практики может служить списочный состав Астраханского казачьего полка, в котором в 1766 г. служили 48 человек из городских команд поволжских городов [7, с. 9].

Источники и литература:

1. АВПРИ. Ф. 103. Оп. 1. 1735 г. Д. 5.
2. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. / В.М. Бакунин. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995.
3. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53.
4. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 624.
5. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 827.
6. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 876.
7. Горбунов Н.П., Полежаев А.И. История станиц Астраханского казачьего войска / Н.П. Горбунов, А.И. Полежаев. – Астрахань, 2003.
8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 424.
9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429.
10. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 87.
11. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 188. Ч. 1.
12. Татищев В.Н. Записки. Письма / В.Н. Татищев. – М.: Наука, 1990.
13. Торопицын И.В. Переселение крещеных калмыков в Ставрополь на Волге / И.В. Торопицын // Архив Русской истории. -М.: Древлехранилище, 2002. № 7.
14. Цыбин В.М., Ашанин Е.А История волжского казачества (к 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц) / В.М. Цыбин, Е.А. Ашанин. – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 2002.

Статья опубликована : II-е Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (9 апреля 2010 года). Астрахань: Государственное предприятие Астраханской области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2010. С. 98–104.